

УДК 17.021.2

Проблема социального единства в русской и немецкой философии XX века

Б.В. Марков

Философский факультет Санкт-Петербургского государственного университета, кафедра философской антропологии

Аннотация. Современное общество становится все более дифференцированным. Отношения между экономическими, политическими, информационными и культурными системами становятся все более противоречивыми, исключая интересы совместно живущих людей. Расширение рынка труда и развлечений не приводит к освобождению людей, которые, избавившись от одних зависимостей, попадают в другие. Поэтому интеграция должна включать духовную, гуманитарную составляющую, ибо она затрагивает отношения людей. В этой связи представляют интерес модели единства, которые выстраивались в начале прошлого века в России и в Германии. Их реконструкция в аспекте современности будет способствовать совершенствованию практик конструирования идентичности.

Abstract. The modern society becomes more and more difficult. The relations between economic, political, information and cultural systems become more and more inconsistent, excluding interests of people living together. The expansion of labour market and entertainment does not result in releasing the people who having got rid of one dependence, get into others. Therefore integration should include a spiritual, humanitarian component for it touches relations of people. Thereupon models of unity built in the beginning of the last century in Russia and in Germany are under consideration in the paper. Their reconstruction in the aspect of modernity will promote to perfection of ways of identity designing.

Ключевые слова: человек, общество, государство, нация, этнос, власть, справедливость, национальный характер
Key words: the man, society, community, state, nation, people, authority, justice, national character

1. Введение

История человечества может быть рассмотрена под углом поисков способов объединения все растущего количества людей. Поиски социального единства остаются поистине вечной проблемой человека. И сегодня мы часто оглядываемся вокруг, чтобы удостовериться, существует ли еще общество. Как стало возможным, что в больших городах, где люди пребывают скученными в толпу, общество, по сути, исчезает? Если раньше не только дела, но и мысли людей были "коллективными представлениями", то сегодня каждый реализуется как автономный индивид, что на практике приводит к росту эгоизма и разобщенности. Вместе с тем, современные городские индивидуалисты, проживающие в изолированных апартаментах, испытывают ностальгию по единству, и предаются мечтаниям об органических целостностях, напоминающим тоску по утраченному раю. Если романтическая герменевтика продолжает традиции науки о духе, т.е. исходит из приоритета душевных практик достижения идентичности, то согласно структуралистской методологии человек формируется в повседневных социальных пространствах. Не сущность, а место – вот что определяет поведение человека. Тем не менее, социальная структура, определяющая набор ролей и коммуникативных норм, воплощается в человеке или актуализируется им, и это означает необходимость учесть его природу. Символические порядки или структуры, которые реализуются в разных сериях, в каком-то смысле являются продуктами человека, даже если он участвует только в их воспроизводстве.

Целью современного общества, скорее всего, не является "всестороннее развитие человека". Однако человек не хочет быть одиноким экзистенциалистом, а ищет связей с другими. Он встраивает "человеческое" в остывающие социальные пространства, например, устанавливает дружеские отношения на работе. Осознав, что общество не предназначено для дружбы, человек может создавать коммунальные пространства вне официальных мест труда. У него много свободного времени и есть средства, позволяющие искать такие сообщества в сфере развлечений. Сегодня реализуется модель "сетевого единства", которое достигается уже не партиями или общественными организациями, а индивидами, стихийно стремящимися к объединениям на основе частных интересов.

Современное общество становится все более дифференцированным. Интеграционные отношения складываются между экономическими, политическими, информационными подсистемами, а не на почве интересов совместно живущих людей. Процесс глобализации стимулируется экономикой,

развитию которой препятствуют этнические и культурные единства. К сожалению, расширение рынка труда и рынка развлечений не означает освобождения людей, которые, избавившись от одних зависимостей, попадают в другие. Поэтому интеграция должна включать духовную, гуманитарную составляющую, ибо она затрагивает отношения людей. В этой связи представляют интерес модели духовного единства общества, которые выстраивались в начале прошлого века в России и в Германии. Их реконструкция в аспекте современности будет способствовать совершенствованию практик конструирования идентичности.

2. Автономность индивида и универсальность человека в немецкой классической философии

Решающим фактором единства, начиная с XVII в., становится наука. Проект единства эпохи Просвещения основан на допущении разумности человека. Формируется идеал господства разума над обществом. Старое феодальное строение, созданное совместными действиями церковной и светской власти, преобразуется в рациональную конструкцию, в основе которой лежит право. Важная роль в понимании природы государства принадлежит Руссо. Государство – это организм со своим телом и душой. Суверен является представителем разумной воли народа. Но где такой идеальный народ? Сегодня говорят о толпе, которой нужен мудрый начальник – властвующая элита. Народ хочет блага, но не знает, как его достичь. Таким образом, речь идет о перманентной диктатуре. Для нее ключевым оказывается понятие учреждающего действия, постоянного исправляющего конституцию. Право выступает не как нечто незыблемое – естественное или заповеданное Богом, а как социальная конструкция.

Договорно-правовая модель государства исходит из факта конкуренции людей. В этой связи Кант выделил три формы эгоизма: *логический*, который проявляется в игнорировании проверки своих мнений мнениями других людей; *эстетический*, абсолютизирующий собственный вкус; *моральный*, исходящий из собственной пользы. Эгоизму Кант противопоставлял плюрализм, свойственный гражданину мира. В основе кантовской космополитической программы лежит мораль и разум, что предполагает отказ как от биологической, так и национально-культурной обусловленности. Отношения между государствами Кант рассматривал по аналогии с конкуренцией людей. Он верил, что бедствия, проистекающие от войн между государствами, заставят найти такое гражданское устройство, которое обеспечит безопасность жителей.

В работе "К вечному миру" Кант сформулировал законы, по которым люди живут во всемирно-гражданском состоянии, и предложил особого рода союз, который можно назвать "союзом мира", который положит конец войнам раз и навсегда и обеспечит свободу государств и индивидов.

Человек как гражданин мира оказался слишком абстрактной фигурой. Распад феодального общества заставил усиленно заняться воспитанием нации, которая все резче отличалась от совокупности людей, связанных общественным договором. Снова было реанимировано чувство патриотизма. Фихте видел назначение человека в защите отечества. Он различал два вида людей и два типа сознания. Первый тип образует сам собой, в его основе лежит чувственный эгоизм, любовь к себе, принцип наслаждения. Второй тип сознания образуется в процессе воспитания. Он основан на познании предмета любви, в основе этого типа лежит любовь к другому. Познание преодолевает эгоизм и раскрывает человека как звено нравственного порядка. "Собственное назначение человеческого рода на Земле состоит в том, чтобы свободно сделать себя тем, что оно собственно есть изначально" (Фихте, 2009).

Пожалуй, наиболее философски основательным идеологом единства был Гегель. В его понятиях целостности или тотальности концептуализируется опыт соотношения государства и революции, в его философии чувствует влияние просветителей и романтиков. Через раздвоение единства на противоположности, благодаря их синтезу и новому раздвоению несчастное сознание достигает единства с абсолютным. Гегель искал единства человека и Бога. Он интерпретировал Нагорную проповедь как новое понимание законов, которые должны соединяться с действием. Только любовь, как бытие, выраженное в качестве закона, объединяет склонность и закон. "Любовь, – писал Гегель (1975), – не ждет от судьбы предоставления ей её прав, но ищет примирения независимо от права".

Гегель определял Просвещение как желание действовать посредством рассудка. Он служит объективной религии (теологии), но не способен превратить теоретические принципы в практические. Он разыскивает оправдание для всякой страсти и является слугой себялюбия. "Просвещение, – писал Гегель (1972), – делает человека умнее, но не делает его лучше". Однако, когда речь заходит о требовании стряхнуть с себя жизненные заботы, презреть богатство, оно объявляется общим местом, литанией, которую нельзя принимать всерьез: "Собственность и ее судьба стали для нас слишком важными, чтобы рефлексия такого рода могла быть для нас приемлемой, отказ от них мыслимым" (Гегель, 1975).

3. Нация, народ и государство в России и в Европе

Состоит нация из различных классов, социальных и профессиональных групп, сословий, каждое из которых имеет свое собственное мировоззрение, или же можно говорить о национальной идее, которая, так сказать, перекрывает социально-классовые интересы, разъединяющие людей? Этот вопрос горячо обсуждался европейскими и российскими интеллектуалами XX века. Можно утверждать, что перед началом мировой войны политики и интеллектуалы были озабочены тем, как собрать воедино разрозненное по социальным, экономическим, политическим, религиозным интересам общество. Сторонники консерватизма боролись за сохранение рода, нации, государства, семьи, сословий. Они понимали их не как конструкты, а наподобие естественных образований, как натуральные целостности. Государство мыслилось ими как родина, сословие связывалось не с социальной иерархией, а с трудом, профессией. Род и семья – это биологическое и одновременно культурное наследие, это порода и, наконец, раса. Нация как исторический субъект обладает "духом" или мировоззрением, которое вырабатывается выдающимися деятелями культуры. Самосознание нации и, тем более, национальное политическое движение не всегда соответствуют этому духу.

Немецкие философы исходили из неравноценности нации и государства. Нация – это "естественное образование", а государство – это продукт культуры. По Канту, именно оно представляет собой высочайшее социальное благо, а по Гегелю, его существование венчает "объективный нравственный разум". Эти философы выражали государственную идеологию Пруссии. В России Бог, царь и отечество составляли триаду главных ценностей и точно также после революции народ, принявший участие в революционных выступлениях, быстро получил нового наставника – партию. В Германии также на первом месте стояло государство, а не нация. Поэтому нет ничего удивительного в том, что политизация национального сознания во времена Наполеона, в конце концов, свелась усилиями Бисмарка к созданию рейха.

Воля к образованию политического сообщества – это и есть воля к образованию государства. Поэтому кажется проблематичным обоснование нации при помощи государства. Наоборот, его образованию предшествует культурное единство народа, национальное мировоззрение, национальная идея, ради которой люди несут на своих плечах тяжесть строительства государства. Невозможно объяснить политическими или экономическими мотивами трансцендентное стремление к строительству государства, которое в противоположность либеральной договорной модели немцы понимали как страну и отечество. Германия на рубеже XIX и XX столетий была захвачена не просто милитаризмом, но и протестом против торгашества, носителями духа которого считались Англия и Франция. Немцы утверждают взамен либерализма идею планового социалистического государства, играющего роль защитного панциря тела народа. Интеллектуалы пишут о нации как о организме, но мечтают о примате воина-героя, отрицающего благополучие и комфорт, Равенство, свобода и братство видятся на путях организации. Поэтому дилемма торговца и героя – это не фантазм В. Зомбарта и Э. Юнгера, а коллективная мечта, ставшая символической реальностью немецкого духа. Различие торговца и героя становится опорой консервативной революции. Капитализм критикуется как власть финансового капитала, стирающего народы, превращающего крестьян и рабочих в безликую массу. Уничтожение природы, деградация культуры механизация труда – таковы основные обвинения Зомбарта. Его работа "Торгаши и герои" написана во время войны, как ее оправдание, и обращена к будущим победителям-немцам как руководство к действию. Главная идея в том, что настоящая война – это война вер, но не в религиозном, а в идейном смысле. Война 1914 г. кажется Зомбарту последней битвой между торговцами и героями. Англичане характеризуются как представители духа торгового капитализма. На примере утилитаристской морали и позитивистской философии Спенсера раскрывается их мелкий торгашеский дух. "Индивидуалистическая, эвдемонистическая социальная философия по своему истоку и глубочайшему своему смыслу есть порождение английского духа" (Зомбарт, 2006). Зомбарт критикует либерализм за индивидуализм и сведение роли государства к функции ночного сторожа. Он опирается на Лассалю, который протестовал против понимания государства как слуги торговцев, и видит в нем немецкого патриота и ученика Фихте. Как и многие мыслители XX в. накануне первой мировой войны Зомбарт утверждал, что фундаментальные воззрения на государство и общество определяются не социальными, а национальными факторами.

Нация – это, прежде всего, такая духовная общность, которая присутствует во всех ее частях, институтах семьи, общины, народа в целом. Единство нации, ее защита – это то, что составляет смысл существования индивида. Надо отдать дань уважения античному полису, единство которого настолько поражает наше воображение, что мы хотели бы привить своим согражданам такие государственные добродетели, когда индивид готов отдать за полис самое дорогое, что у него есть – свою жизнь. Отсюда национальную солидарность следует мыслить, прежде всего, как моральную и духовную, пронизывающую политику и право. При этом важным условием единства нации М. Шелер считал

единство переживания, определяемое территорией. Напротив, по Э. Бутру, для самоопределения французской нации на первом месте стоит население, а территория – на втором.

Кроме внутренней миссии у нации есть еще и амбиция стать "всемирной". Если Англия претендовала на мировое господство, реализуемое посредством колониализма, то, по утверждению Э. Бутру, Франция стремится к образованию человечества на основах свободы и равенства, и это исключает какой-либо аристократизм или веру в избранность. М. Шелер утверждал, что немцы несут с собой мировой порядок и трудолюбие и при этом признают право каждого народа на национально-культурное своеобразие. Русский "народ-богоносец", согласно В.С. Соловьеву, берет на себя всемирно-историческую миссию служить другим народам. Конечно, современные представители упомянутых народов, скорее всего, отказались бы нести эти миссии. Но в какой-то форме остатки прежних дискурсов дремлют в нашем сознании.

Ярким примером тому является отражение "русской идеи" в мечте В.С. Соловьева о религиозном интернационале. Когда-то они привели в раздражение и даже сильно испугали М. Шелера: русские собираются господствовать над миром тем, что будут всех любить; французы – задавать культурные образцы; англичане – колонизировать и цивилизовать; а немцы – учить работать. Действительно, при обосновании избранности русского народа-богоносца В.С. Соловьев столкнулся с вопросом, как он будет объединять мир, и отвечал, что он будет служить другим народам. В работе "Умозрение в красках" последователь Соловьева Е.Н. Трубецкой также утверждал, что русские реагируют на зло смирением.

Главная функция православия – быть символическим щитом империи – ярко проявилась во время первой мировой войны, когда волна шовинизма накрыла с головой народы Европы. Трубецкой осмыслял военное противостояние как идейное: война идет за то, чем надлежит быть вселенной – зверинцем или храмом? Характеризуя идеологию противников, Трубецкой писал: "Здесь биологизм сознательно возводится в принцип, утверждается как то, что должно господствовать в мире. Всякое ограничение права кровавой расправы с другими народами во имя какого-либо высшего начала сознательно отменяется как сентиментальность и ложь" (Трубецкой, 1995б). Он предсказал, что это озверение, возведенное в принцип, отречение от всего того человеческого, что доселе было и есть в культуре, может повести к поголовному истреблению целых народов.

В статье "Старый и новый национальный мессианизм" Трубецкой показал, как выворачивается мессианская идея и какова его обратная сторона. При последовательном ее проведении она неожиданно переходит в свою противоположность. Эта логика состоит в том, что в поисках русской идеи, озабоченные ею мыслители, проглядели своеобразие России. Национальный мессианизм всегда выражался в утверждении русского Христа, и Бердяев совершенно правильно считает его признаком утверждение исключительной близости и первенства какого-либо народа к Христу. Классическим его выражением является ветхозаветный мессианизм, утверждающий богоизбранность еврейского народа.

Новая славянофильская его форма, представленная Хомяковым, также опирается на веру в Россию как единственную спасительницу остальных народов и подстановку на место вселенского – православного, а на место православного – русского. Достоевский еще более усилил эту идею своим утверждением, что Европа проповедует не Христа, а антихриста, что единственным народом-богоносцем остался русский народ.

Согласно К.С. Аксакову, Европа образована на вражде и насилии (германский дух). Наоборот, Россия – это добровольность, мир и согласие, союз народа и власти, а не договор. Самарин считал сутью русского самосознания синтез народной и религиозной общины. Семья, род, город, государство – все это такие формы единства, которые основаны на потребности жить вместе. Князь, царь понимался как защитник, как гарант справедливости.

Для достижения наших национальных целей России потребовалась помощь Европы и поэтому патриот должен быть западником. На деле же западное влияние разрушало патриотизм, приводило к презрению относительно своего. И наоборот, те, кто болели за отечество, ненавидели европейское. Однако борьбу славянофилов и западников можно понимать как некую гибкую политику "открытия" и "закрытия" символических границ своего и как попытку достижения баланса влияния чужого. Согласно В.О. Ключевскому, Европа для нас – не предмет выбора, а необходимость. Главное, как использовать ее достижения: опираясь на науки можно строить заводы или опровергать существование Бога (Ключевский, 1983).

Без мессианизма нет и мессианизма. С. Булгаков испугался того, с какой легкостью мессианизм переходит в национализм, и предложил идею "национального аскетизма", согласно которой следует приостанавливать веру в богоизбранность и культивировать чувство ответственности. Народная по форме и вселенская по содержанию христианская религия, по Булгакову, должна осуществиться в России. Воззрения на национальное не как обособленное, а универсальное, входящее в синтез с другими

народами, придерживался Е. Трубецкой: "Подлинный Христос соединяет вокруг себя в одних мыслях и в одном духе все народы" (Трубецкой, 1995а). Если Бердяев указывал на антиномичность религиозного, национального, культурного, государственного (имперского) мессианизма, то Трубецкой полагал, что национальная гордость и готовность служить другим народам вполне соединимы. Он поясняет, что речь идет о "царственном достоинстве" по отношению к низшему и о смирении по отношению к высшему. Трубецкой видит выход из тупика мессианизма в миссианизме в предписании Христа "учить и крестить все народы". Он указывает на то, что у русских мессианистов на первый план выходило универсальное и затенялось особенное. Он предлагал найти такую форму единства, в которой бы, наоборот, могло существовать особенное. Нельзя видеть русское только в том, что это истинная форма универсального. Когда такие притязания развенчиваются, то наступает, как у Чаадаева, отчаяние. Как говорил Соловьев: или Россия – народ-богоносец, или колосс на глиняных ногах. Таким образом, то, что Россия не похожа на божье царство, не должно стать парализующей мыслью, а напротив, стимулировать поиски своего пути к нему.

4. Образ России

Существуют два рода разрушительных процессов, которые стремится предотвратить консерватизм. С одной стороны, деградирует народ, который не желает жертвовать тем, что есть, ради лучшего будущего. С другой стороны, деградирует сама социосфера, которая становится все более холодной и бездушной, не вызывающей патриотических чувств. Бюрократическое государство (то, что Бакунин называл "кнута-германской империей") может существовать до тех пор, пока не развалится изнутри и станет добычей более "пассионарных" соседей.

Традиционные проекты России и программы ее возрождения должны измениться в пользу некоего парадоксального, невозможного усилия: преобразовать Россию без революций и войн, построить новое общество, не питаясь ненавистью к старому, а сохранив память и ответственность по отношению к прошлому. Среди участников дискуссий о путях развития новой России одни видят выход в обращении к традициям древности, в усилении религиозного воспитания, в возвращении духовного и культурного наследия, на базе которого возможно восстановление солидарности людей и сплоченности общества. Другие, наоборот, считают выходом из кризиса ускоренное развитие цивилизационного процесса, глобализацию и вестернизацию, а также развитие современных технологий, способствующих повышению качества жизни.

Сравнивая прошлое и настоящее, можно попытаться "инвентаризировать" как приобретения, так и утраты прогресса. Культура наших предков, основанная на интенсификации внутреннего чувства стыда, обходилась без дорогостоящего аппарата внешнего насилия и была при этом более эффективной в деле воспитания социальной и морально ответственной личности. Думается, что современность должна найти способ сохранения и воспроизводства традиционных культурных механизмов в сложившихся условиях и на основе новых технологий. Исследование этого культурного капитала окажется полезным политикам, экономистам, а также тем, кто отвечает за создание окружающей среды, в которой живет современный человек.

Человек вырастает и формируется в искусственных условиях, которые задают родители и родственники, дом, школа. То, что мы называем Россией – это тоже продукт технологий и не только строительных, но и символических. Окружающая среда, в которой искусственным путем поддерживаются необходимые условия существования, это не только техническая, но и символическая защитная система, защищающая от опасных воздействий внешнего мира. Как особая сфера она наполнена звуками и образами и даже запахами (дым отечества) родной страны. К сожалению, история дискурса о месте, действительно, характеризуется утратой. В описаниях теоретиков государства единство его граждан понималось исключительно политически и идеологически.

Вместе с тем, идеологизация солидарности оказалась достаточно непрочной иммунной системой. Она подверглась внутренней эрозии, ибо ее разрушала критически настроенная интеллигенция. После падения "железного занавеса" люди оказались беззащитными от воздействия чужого. Что можно сделать для восстановления символической оболочки общества? Строить её заново? Но из чего и как? Думается, что в качестве строительного материала должны быть использованы как традиционные, так и новые технологии. Прежде всего, дискурсы о месте обитания человека имеют важное иммунное значение. Их нужно оценивать не по критериям истины. Мифы и сказания наших предков играли, прежде всего, защитную роль. Они строились как радостная песня, исполняемый на своем языке гимн, в котором восхвалялась родная земля, населявший ее народ и их защитники – герои. Этот первичный нарциссизм не только не был разрушен, но и даже усилен христианством. Послание Бога было переведено на национальные языки и органично встроено в первичную иммунную систему. Примером тому может служить "Сказание о Борисе и Глебе", в котором святые воспеваются как

защитники Русской Земли.

Эпоха Просвещения нанесла серьезный удар по религиозному панцирю, однако создала взамен его новую символическую систему. Настала эра идеологов, которые поначалу отбросили все формы и способы идентичности, не удовлетворявшие критериям рациональности. Дискурсы о природе общества приобрели упрощенный характер. Понятие гражданского общества оказалось настолько абстрактным, что нет ничего удивительного в возрождении национального государства, которое, вопреки либералам, подпитывалось энергией нации. Граждане, ощущавшие себя детьми Республики-Матери, дали достойный ответ на распад религиозных связей.

В качестве возражения против такой оценки эволюции общества и, тем более, против использования символа родины в качестве противоядия от эрозии социальной ткани указывают на шовинизм, национализм и нацизм, действительно, нанесшие огромный урон человечеству. Особенно ужасной попыткой возрождения символов крови и почвы был фашизм. Об этом нельзя забывать. Но нельзя и соглашаться с тем, что всякий, кто заговорит о доме, родине и народе, неизбежно скатится к фашизму. На самом деле причиной появления фашизма является как раз усиление бездомности, безродности людей. Культивируемый демократическими режимами "цивилизованный", т.е. усредненный комфортабельный образ жизни, превращает народ в толпу, а личность в объект манипуляции масс медиа. Именно на это обстоятельство указывали теоретики национал-социализма. И они снова зывают к протесту против глобализации. Если мы – гуманитарная интеллигенция – забудем об изначальном желании людей жить вместе, если не найдем адекватной символической защиты для эффективного противодействия негативным следствиям глобализации, то за нас это сделают другие и по-другому. Не принимая используемых ими способов сборки единого коллективного тела, тем не менее, нельзя отрицать право людей жить в такой атмосфере, которая наполнена родными лицами, звуками и даже запахами. При этом каждый народ имеет право гордиться своим образом жизни, языком, культурой и историей.

Кажется, что как бы мы не метались между привязанностью к крови и почве, с одной стороны, и принадлежностью к универсальной культуре, с другой стороны, мы приходим к тяжелым проблемам. Любовь к родине и ответственность перед предками оборачивается шовинизмом, а космополитизм – абсолютизацией одной культуры, которая методично изолирует другие. Поэтому действительно важный и трудный вопрос состоит в том, как в конкуренции с другими народами можно доказывать преимущества собственной культуры. Определив разговор о России как символическую иммунную систему, оберегающую свое от поглощения чужим и осознав его изначальное назначение, можно поставить вопрос об отношении к другому и даже чужому. Надо сказать, что чем назойливее сегодня ставится и обсуждается это вопрос, чем больше говорится о признании другого, тем сильнее подозрение, что он попросту исчез и растворился, во всяком случае, в дискурсе гуманистов и либеральных экономистов, для которых человек выступает как набор азбучных истин, касающихся общечеловеческой этики и глобальной экономики. Именно под прикрытием образа "мирного дикаря" и развились современные формы ксенофобии, доходящие до терроризма слабых, с одной стороны, и военной интервенции сильных – с другой.

В генетической памяти человека заложен стресс, выражающий страх перед враждебными силами, способными проникнуть в святая святых любого человеческого поселения – в пространство матери, окруженной детьми. Однако далеко не все внешние воздействия оказываются опасными и тем более разрушительными для организма. Примером могут служить так называемые "детские болезни", которые есть ничто иное, как выработка иммунитета по отношению к чужому. Не только телесные болезни, но душевные обиды не обязательно становятся ужасными травмами, навсегда разрушающими психику человека. Наоборот, именно благодаря таким воздействиям и созревает прочная оболочка нарциссизма, обеспечивающая взаимодействие с внешней средой.

В описании национального характера любого народа, в том числе и российского, упоминаются и отрицательные характеристики, такие как лень, скупость, зависть, мстительность и т.п. Конечно, их нужно выдавливать из себя. Вместе с тем с иммунологической точки зрения депрессивные настроения, как в случае Чаадаева, могут способствовать возрождению народа. Обида на то, что мы не такие, как все, является пассионарным чувством, способствующим развитию.

5. Единство в условиях современности

Каковы же тенденции изменения ценностей, ведущих к созданию современного общества? Где сегодня можно узреть общественное пространство? Парадокс в том, что все говорят о социальном прогрессе, а социальное пространство деградирует. В условиях роста больших городов, где люди пребывают скученными в толпу, общество, по сути, исчезает. Что же происходит в наших выставочных и концертных залах, в супермаркетах, в школе и на работе, где индивиды теснятся на виду друг у друга?

Первое, что бросается в глаза, – отчужденность. Люди стараются не замечать друг друга. Конечно, царит вежливость и каждый старается прилично выглядеть. Однако это и создает невидимый барьер для общения. Раньше, побывав на ярмарке, человек узнавал все новости. Посещение сельмага давало информации больше, чем телевизор. А главное, сообщаемые новости не воспринимались с характерным для современных горожан безразличием. Конечно, и в устной и, тем более, в письменной культуре, живое участие граждан в общественной жизни нередко сводилось к сплетням и пересудам. Однако в целом люди ощущали себя звеньями единой цепи и отзывались на беды другого не только вежливым сочувствием, но и реальной поддержкой.

Условием правильного выбора модели развития современного российского государства, как альтернатива его распаду, должно стать осознание того обстоятельства, что общество не является безличной структурой, как оно выглядит в моделях политологов и социологов, а остается, особенно в своей приватной сфере, формой бытия с другим, для чего, собственно, и предназначен человек. Тот факт, что, добившись независимости, он ужасно страдает от одиночества, вселяет надежду, что общество, все-таки сохранится не только как система безличных связей, но как частная жизнь людей, стремящихся к духовному единству, к общению на интимном эмоциональном уровне.

Способно ли общество к самостабилизации. Или для этого требуются специальные усилия. Конечно, общество реагирует на распад порядка в одних системах укреплением его в других. Вопрос в том, как на практике осуществляются идеалы единства. Самый беглый взор на социальные технологии показывает, как далеки способы сборки людей от моделей теоретиков консерватизма. Для понимания этого следует обратиться к анализу повседневных практик, используемых для достижения единства общества. Прежде всего – это строительство величественных сооружений, в которые вкладывались значительные средства. Со времен Просвещения был взят тренд на строительство грандиозных общественных зданий, в которых располагались церкви, библиотеки, музеи, театры, университеты. Это не просто символы величия национального государства, но и общественные места, в которых образованная публика достигала единства на основе публичных речей и дискуссий. В наше время эти пространства или пустеют, или меняют свои функции.

Единство людей достигается сегодня масс медиа. Именно они диктуют, как надо жить. Правит тот, кто навязывает остальным, в чем состоит различие истины и лжи, добра и зла, красивого и некрасивого. Сегодня это происходит посредством рекламы и зрелищ. Удивительная вещь инерция мысли. Интеллектуалы долгое время не замечали изменений, производимых масс медиа. Затем они занялись их критикой и заговорили исключительно о негативных последствиях медиализации. Главная опасность видится в том, что стирается объективная реальность и на ее место приходит вымышленная, виртуальная реальность. Заикливание гуманитариев на критике масс медиа мешает увидеть своеобразие новых технологий.

История человечества может быть рассмотрена под углом поисков способов объединения все растущего количества людей. Занимая обширную территорию, они уже не собирались вместе, но имели общую память в форме мифов и сказаний и примерно одинаковые культы и ритуалы. По вечерам певцы-сказители распевали героические песни, периодически шаманы ввергали племя в транс для общения с богами. Но были и другие повседневные заботы, такие как совместный сбор урожая, охота на крупных животных, наконец, война и праздники по поводу всех этих событий. Вот так на основе близких и сильных взаимоотношений спланивались коллективы традиционного общества.

Революционным становится XX в. – эпоха зарождения массового общества и страха элиты перед толпой. Это начало новой истории строительства больших общественных коллективов: конгрессы, дворцы съездов, театры, магазины (пассажи), концертные залы и, наконец, стадионы. История этих мест не прописана и нет специальной науки о таких социальных пространствах. История человечества – это еще история собраний и заседаний. Они всегда проходили с пафосом целостности. Если проанализировать речи наших партийных вождей на периодических съездах и конференциях, то можно отметить трансформацию риторики целостности. Ярким примером воодушевления была речь Дзержинского на Пленуме 1926 г., после которой ему стало плохо, и он умер. В дальнейшем партсобрания превратились в производственные совещания, на них царила скука, люди дремали, болтали, сплетничали. Речи партийных функционеров уже не вызывают к единству партии и народа. Корпоративные собрания земляков, акционеров и т.п. тем более не показывают пафоса единения. Председатель собрания обычно благодарит спонсоров, без помощи которых не состоялось бы торжественное мероприятие. И никогда не вызывает к чуду единства. Оно реализуется на фуршете.

Сегодня после осознания опасности децентрации, характерной для постмодерна, вновь начались поиски новой целостности. Тоска по центру, в соответствии с точной исторической конъюнктурой, соединяется с волей к пленарным заседаниям. Речь идет не о тоталитарном Конвенте, в республиканском, народном или партийно-классовом смысле. Скорее всего, можно говорить о попытках

объединения элиты, как некой фотогенной подгруппы хорошего общества. Очевидно, что обойма каждодневно являющихся на телеэкране лиц выполняет функцию единства. Там, где этого нет, на плакатах изображается всего лишь одно лицо.

Как можно охарактеризовать грядущее общество? С освобождения от труда и почвы (земля превращается в зону отдыха) начинается новая эра, где желание становится гражданским долгом. Поэтому на место эстетов, художников и критиков приходят менеджеры в сфере искусства и культуры. Музеи, концертные и выставочные залы становятся местами зрелищ и тусовок. Современная культура знаковых событий напоминает праздники барокко, а не концерты модерна. В музее можно поесть, выпить и развлечься. Банк, универмаг – тоже сцена искусства, которое становится частью индустрии развлечения и потребления. Оно становится полезным и обслуживает не мечту, а реальность.

Вопрос в том, насколько эффективны все эти практики конструирования идентичности, насколько подлинными являются способы самореализации в сфере потребления и развлечения. Конечно, их нельзя отбрасывать с порога, считая массовую культуру чем-то бездуховным. На самом деле популярная культура сближает искусство с жизнью, правда не совсем так, как мечтали философы. Точно также нельзя расценивать потребление, как нечто глубоко чуждое русскому национальному характеру, который сложился на почве труда и служения отечеству. Думается, что философская критика не должна выплескиваться из ванны ребенка вместе с водой. Потреблять и развлекаться нужно уметь. Экономика захватывает человека как потребителя, философия должна развивать искусство существования, где потребление и развлечения являются не только сегментом рынка, но и источником удовольствия.

6. Выводы

В заключение можно сказать, что цивилизационная модель истории требует осторожного применения. Во-первых, она создает впечатление, что в процессе развития общество очищается от старого, в то время как прошлое существует в настоящем подобно фундаменту, на котором стоит здание. Во-вторых, она навязывает понимание прошлого как устаревшего, отсталого, нецивилизованного и т.д. На самом деле прошлое – это другое, которое живет внутри нас и требует уважительного отношения. Капиталистическая или иная модернизация удачно прививалась там, где учитывались и использовались местные экономические и технологические возможности, а также социально-культурные традиции.

Нельзя не видеть, что кроме экономических критериев в современном обществе складываются иные требования. Идеи свободы, равенства, солидарности и справедливости образуют ядро человеческих желаний. В сущности, этот набор входил еще в христианскую философию. Эти идеи, трансформированные в демократической и социалистической идеологиях, стали источником модернизации. Однако чувства равенства, справедливости и свободы имели и разрушительные последствия. На самом деле права человека имеют довольно ограниченную сферу применения и не определяют, как человек реализует право на жизнь. Будет он хорошим или плохим человеком, зависит от воспитания; будет он умным или глупым, зависит от качества образования; будет он врачом или военным, зависит не только от личного выбора, но и от набора профессий, которые предоставляет общество.

Задача философской антропологии и состоит в том, чтобы в современном обществе восстановить арсенал прототехнологий формирования и воспитания людей. Не добавив ребенку любви и тепла в семье и дома, нельзя наверстать упущенное путем образования. Как бы потом их не приучали на уроках этики к толерантности, отсутствие сострадания и сопереживания приводит к ужасным эксцессам, которые имеют место как в школе, так и в казарме. Существует набор антропологических констант и практик их формирования, которые должны воспроизводиться на любом уровне развития цивилизации. Иначе за комфорт мы заплатим душевной пустотой, а за благоденствие – падением рождаемости, т.е. детско-материнской нищетой.

Литература

- Гегель Г.В.Ф. Дух Христианства и его судьба. Философия религии. М., Мысль, с.111, 116, 1975.
Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. В 2 т. М., Мысль, т.1, с.58, 1972.
Зомбарт В. Торгаши и герои. Сочинения. В 2 т. СПб., Санкт-Петербург "Владимир Даль", т.2, с.26, 2006.
Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., Наука, с.19, 1983.
Трубецкой Е.Н. Старый и новый национальный мессианизм. Избранное. М., Канон, с.309, 1995а.
Трубецкой Е.Н. Умозрение в красках. Там же, с.350, 1995б.
Фихте И.Г. Речи к немецкой нации. СПб., Наука, с.102, 2009.